

Невероятно быстро летят дни нашей жизни, а после сорока или пятидесяти лет их бег ускоряется ещё больше. Это только в счастливом и беззаботном детстве время ползёт еле-еле, как неторопливая улитка, и затерявшееся в небесной высоте ослепительно-яркое летнее солнце щедро льёт золото своих лучей на мягкую россыпь цветов и трав. Дождик бывает только слепым и тёплым, а деревья качают макушками под самыми небесами.

Впереди у каждого из нас бескрайнее море жизни. И моя мама ещё самая молодая и красивая! Оглядываясь назад, в прошлое, я вижу любимые лица, слышу голоса дорогих мне людей. Они живы, живы! Потому что я помню всех их и люблю.

«Ножки вава!»

Первое воспоминание детства... На кухне, когда остывала плита, водружали на печку большую железную ванну, наливали горячей воды, разбавляя её настоем чистотела, и в эту золотисто-янтарную воду погружали «капельюшну девочку», то есть меня. (Было мне тогда, как потом говорили родные, где-то год и три месяца, не больше.)

Занавеску на окошке постирали, и на гвоздочки вместо неё приткнули большой шерстяной полушалок в крупную бело-коричневую клетку. Помыв голову «капельюхи» «Земляничным» мылом (шампуня тогда не было и в помине), приглубив и

приласкав словами: «Робёнчишко ты мой ма-ахонький, да какой же ты у нас длиннушший да худушший (в минуты нежности бабуля почему-то меня упорно называла сыночком или внучонком)! Ну чисто три лучинки! А мы тебя таперича отмоем да отшкребём, чтобы ты у нас была не атымалка кака, а чисто краля, королевишна ты наша! (Вспоминала она всё же о моей девчоночьей сути.) Хрупустеть будешь, как капуска малосольненька!» — улыбаясь, лопотала она. Мама молча стояла в сторонке с ковшиком в руке, дожидаясь момента, когда ей будет дозволено окатить ребёнка тёпленькой водичкой из стоящего на припечке ведёрка, после чего, закутав в большое ярко-розовое китайское полотенце, унести в залу и у пышущей жаром печки одеть в байковое бельишко, попоить чайком с малиной.

Помню, как в один из таких банных дней зашла к нам в избу мамин-бабин любимица Маня Лазарева. В огромных, не по размеру, валенках, в которых её тоненькие ножки болтались как спички, такой же большой телогрейке и тёплой шалёшке, вкатилась она неуклюжим колобочком через порожек, внося за собой клубок ядрёного морозца. Манины родители (Марфа и Степан) жили скромно, как и большинство деревенских жителей послевоенных лет, порой не имея самых необходимых в хозяйстве вещей. Маню они отправляли к нам за «водяными» вёдрами, когда нужно было наносить воды из колодца на всю неделю.

Маня (красивая темноволосая девочка с ярко-кариими глазами, ладненькая, как куколка) слегка картавила, и когда её спрашивали, какое у них хозяйство, с достоинством перечисляла: «Корова с телёнтом, овца с ягнёнтом, свинья с поросёнтом да курочки-пеструшки!» На вопрос, кем будет, когда вырастет, почему-то гордо отвечала: «Прокурортом!» И ведь правда: девочка из бедной деревенской семьи в 1968 году, окончив школу с золотой медалью, поступила в Свердловский юридический институт, а после работала адвокатом, судьёй, прокурором.

...«Худюшший и капелюшный внучек», то бишь я (надо сказать, что родилась я семимесячной, меньше двух килограммов весом), долго не мог встать на ножки и пойти. Другая моя бабушка (баба Аня), когда мама после родов и короткого для тех лет декретного отпуска пошла на работу, выкармливала меня чуть ли не через каждый час молочком из пенициллиновых бутылочек, не веря, что такая кроха выживет, уповая только на чудо свыше.

Как говорила моя крёстная кока Шура, недоношенный ребёнок требует особых забот и ухода, он должен «дозреть» на тёплой русской печке. И ведь «дозревали» же такие детки и как на дрожжах потом росли, догоняя сверстников в развитии. Спали сутками, кушали коровье или козье молочко с манкой и потихоньку набирали вес, радуя всю родню.

По словам мамы, говорить я начала вовремя, лопотала что-то своё без умолку, трещала как сорока. Отъевшись на молочке и отоспавшись на печи, «внучек» стала круглой, как пышка, и страшно ленивой. Никак не хотела ползать и ходить! Плюхалась на попу и сидела сиднем.

Баба Надя переживала и тревожилась не на шутку: «А ну как капелюшин-та наш робёнок так и не пойдёт у нас никак-ды, инвалидкой станет?!» (А робёнок-то оказался на редкость спокойным и хитрющим до невероятия: зачем ходить, когда тебя то на руках, то на загорбке (на спине) таскают?)

Мне было почти два с половиной года, а я всё не ходила! Мама бросалась ко мне со страхом, когда я падала на пол и лопотала: «Ножки вава!» Как-то раз, когда она была на работе, а бабушка вышла на улицу за дровами, вошедшая в дом Маня поманила меня к себе: «Таня, Таня, иди ко мне, я тебе сейчас конфетку дам!» Неуверенно шагнув шажок-другой, я побежала к ней.

Войдя в дом, бабушка застала этот счастливый момент — первые шаги своей любимой внучки. На радостях она подарила Мане новый шерстяной платок и плитку чая.

На Вышке

И ещё один голос мне не забыть никогда — голос моей любимой жемчужской тёти Паны, жены бабы-Надиного племянника, а для меня просто дяди Саши. Жили наши родственники в селе со странным названием — Жемчуг. Местность там голая да болотистая, даже речки нет. И тем более жемчуга.

Правда, совсем недавно я узнала от одной своей доброй знакомой, что название села происходит от красивого бурятского слова жэмхэг, что в переводе означает «ягодные места».

Километрах в восьми от Жемчуга на берегу Иркутта расположился «курорт» под не менее странным названием — Вышка. Во времена моего детства здесь стояло несколько

домиков. Самый большой из них — ванный корпус, где входящим выдавали шайки и тазики для помывки.

Горячий термальный источник, содержащий сероводород, бьёт там, как мне помнится, в двух местах: в самом корпусе и на улице, где он изливается довольно широкой шипучей струёй, образуя вонючее озерцо, стекающее всё в тот же Иркут. Никакой здравницы или курорта там, по сути дела, тогда и не было. Табличка на стене ванного корпуса содержала информацию о составе здешних вод, какими лечебными свойствами они обладают.

К началу семидесятых Слюдянское рудоуправление выстроило там для своих работников два или три домика (пансионаты). Отдыхающие везли с собой продукты (никаких магазинов и столовой там не было) в расчёте на две недели пребывания: тушёнку покупную или домашнюю, картошку, макароны, крупы, чай, сахар, соль, сухари вместо хлеба. Ни электричества, ни телевизора там тоже не было.

По вечерам приличная «курортная» публика коротала время в неспешных разговорах за общим чайком либо в прогулках по берегу Иркута. Вышка была любимым местом отдыха тёти Паны. Но об этом чуть позже.

Каждое лето, недельки на две, она забирала меня к себе в Жемчуг «на помочь». В отличие от её городских внучек, я быстро и аккуратно полела грядки, оставляя овощи на месте, умело пасынковала и подвязывала помидоры к колышкам, не боясь обзеленить руки.

Благодарная за подмогу, тётя Пана от души старалась «поправить» мой вес. «Ты, Таня, прямо как цыплёнок, ежели прямо сказать! Пей больше молока, ешь булки, справнее будешь!» — повторяла мне она едва ли не каждый день. По утрам, когда её внуки ещё сладко спали, проводив коров в стадо, она поднимала меня ни свет ни заря, маяча руками, что всё это надо выпить и съесть. (ЭТО — пол-литровая банка ненавидимого мною парного молока и булка размером с добрый кулак!)

Невзирая на мои жалобные и умоляющие взгляды, на двигалась на меня грозно всем телом («Не женщина, а монумент!» — по словам одного из киношных героев Шукшина) и ждала, когда всё будет съедено и выпито. Хуже и страшнее этого раннего завтрака для меня было только деревенское сало и невероятно жирная сметана, в которой ложка колом стояла.

Часиков в восемь тётя Пана будила ватагу ребят (своих троих внуков и внучек, двоих «пелемянников» (так она говорила) невестки и меня, не могущую заснуть после молочка и булочки. И опять, в который уже раз, слышала я её слова о том, что «Танюха-то у нас самая маловытная из всех (то есть с очень плохим аппетитом, выгтью). Пряма-таки трёхлучиношна она у нас!».

Позднее это же выражение я услышала от мамы одного моего одноклассника: «Ты чо это, паря, Танюшку-то обижаешь? Она ведь из трёх лучинок состоит! Ты кого это тыркаешь-то, ирод?!»

От соседей-бурят тётя Пана научилась варить салат — нечто вроде каши-затирухи, с обилием масла. Эта каша была для меня хуже пытки! Правда, тут все попытки грозной тётя Паны накормить «маловытного» ребёнка терпели крах, потому что слёзы у меня лились в три ручья, и тётя Пана отступала, обещая испечь блинков.

Блины у неё и в самом деле были отменные — ароматные, румяные, воздушные, с многочисленными дырочками. Ребяшня уписывала их со сметанкой или вареньем. Если тётя Пана не видела, я разбавляла сметану водичкой из саговара или молоком, чтобы сделать её пожиже.

Был в её кухонном арсенале ещё один кулинарный шедевр — кольца. Главное украшение любого свадебного или праздничного стола. Тончайший золотой хворост, выпеченный в виде розы, — вот что такое кольца! Горячие кольца посыпали сахарной пудрой и ванилином. Как колобок из известной русской сказки, кольца были пряжены (то есть обжарены) в кипящем растительном сале или комбижире. После жарки их аккуратноенько укладывали на противень, чтобы они едва касались друг друга.

Ватага чумазных и дочерна загорелых «варнаков», работавшись в огороде, влетев на кухню, в мгновение ока сметала со стола деревенские вкусности, приготовленные для них с огромной любовью. Сияющая и довольная тётя Пана с видимым удовольствием выслушивала многоголовое ребячье «спа-си-бо», радуясь и смеясь вместе с нами.

...Давно уже нет в живых добрейшей тётя Паны, где-то в глубинах старинного Никольского кладбища затерялась её поросшая багульником и лесной земляникой скромная могилка, а запах её блинов и хвороста помнится до сих пор

всем нам, её «робяткам». Потому что это ни с чем не сравнимый запах детства, святого и чистого времени, когда все мы были безмятежно радостны и счастливы.

Помнятся мне (как будто они были совсем недавно!) наши поездки с тётёй Паной на Вышку, куда мы, закончив не очень-то любимые нами садово-огородные дела, ближе к концу недели отправлялись на телеге на её любимый «курорт». Купались, а точнее, мылись в дурно пахнущей воде, а потом обсыхали, как нахохлившиеся мокрые воробышки, сидя рядом на завалинке. С шумом и гамом громоздились на своё средство передвижения и возвращались в Жемчуг.

На тряской грунтовой дороге телегу то и дело обгоняли машины, обдавая «чистеньких курортничков» облаками густой серой пыли. И зачем мы только туда ездим? «Здоровье поправлять!» — гордо отвечала деревенским тётя Пана.

Справедливости ради

Смолоду и до глубокой старости моя любимая бабуля отличалась крутым, но справедливым нравом. Если дядя Саша иногда вдруг начинал бедокурить, то есть пить, поглядывать, а то и похаживать «на сторону» и поколачивать тётю Пану, по просьбе потерпевшей стороны бабушка спешно бросала все свои дела и ехала восстанавливать справедливость. О её прибытии дядя Саша, как правило, ничего не знал.

Покряхтывая и постанывая, разминая затёкшие косточки, слезила она с автобуса, опиралась на клюку (которой в другое время и не думала пользоваться), направляясь к дому племянника. Если его не было дома, составлялся совместный с тётёй Паной стратегический план по укрощению гульливового мужичонки.

Если он был дома, бабуля с улыбкой походила к нему: «Ну, чо ли, рады мне ай нет? Вот решила к вам съездить, давненько уж не была, заскучалась по тебе да Паруньке. Как вы тут хоть поживаете-то?» Оглядывая просторный деревенский дом, увешанный коврами, заставленный хрусталём сервант, говорила: «Вот как таперича-то путные люди жить стали! Дом — не дом, а полная чаша, хозяйка — лудше и не бывает, чо те пава выступат. И кругла, и белолица, и румяна, всё при ей. Не баба — ягодка!»

После не предвещавшего неприятностей вступления начала переходить в атаку: «И чево тебе только, ирод и супостат, не хватат-то?! Ты на себя, урод, погляди!» Подводила к зеркалу во весь рост, поворачивала, как куль, то в одну сторону, то в другую: «И короткий-то, и толстозады́й-то, и косолапый-то, и брюхо-то у тя до колен отвисло! Чисто кабан или кочерык (бык) какой! Ни рожи ни кожи! Ахти, ахти, брюхо-то како отростил, как на сноснях. Вот-вот сродишь! Пфу, глядеть на тя тошно!» Активные действия продолжались — хватала дядю Саша за остатки былых кудрей и начинала их трепать, сдобряя «воспитательные действия» подзатыльниками и крепкими выражениями: «А-ах ты, кобелина, кобелина! Непуть ты така-сяка! Ты што жа это Паруньку-то перед людьми позоришь? Чем она тебе не баба? Чем не баба?!»

В этот момент на подмогу ей приходила счастливая тётя Пана. Разойдясь, они вдвоём начинали гонять бедного дядю Сашу по избе. Заприметив в руках у разбушевавшихся баб ухват, кочергу или чугунную сковороду с ручкой, воспитуемый с диким гиком вырывался и бросался от них прочь. Однажды вся деревня веселилась от души, когда дядя Саша за получил от любимой тётки Нади здоровенный синяк под глаз.

Вечером его ждал богато заставленный, как на праздник, стол, на котором красовалась вынутая из холодильника запотевшая непочатая бутылочка водки. Присмиривший и смущённый, он робко переступал порог. Улыбающиеся жена и тётка хором подзывали его к столу, наливая чарочку за примирение.

Порядок в семье сродника был восстановлен. Наутро довольная бабушка спешила на автобусную остановку — как бы чего без неё не случилось в доме дочери. Там тоже надо было держать ухо востро!

Как-то раз и мой папа попытался вступить на тропу супружеской измены. Справедливость и тут была восстановлена моментально: по совету бабушки мама и я «повышшелкали» поленьями оконные стёкла предполагаемой любовницы, после чего та с позором переехала в другую деревню.

Воспитывать так воспитывать! Наказывая племянника, бабуля частенько повторяла: «Ты это, Ляксандра, не обижайся на меня. Это не со зла ведь, а справедливости ради! Кто ещё тебя, сироту, акромья меня, так научит, приголубит и пожалеет?!»

Дядя Саша соглашался с железной логикой тётки, которую почитал за мать.